

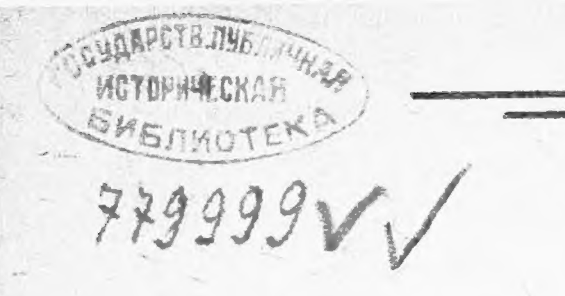
С. ИНДУРСКИЙ

Защитник ленинградского неба

МОСКОВСКИЙ
БОЛЬШЕВИК
1943

Герой Советского Союза гвардии капитан В. Н. Харитонов.

Ему прочили блестящую будущность: преподаватель физкультуры — карьеру спортсмена, математик — лавры учёного, товарищи — славу стихотворца. С присущей детям страстью он увлекался и спортом, и математикой, и поэзией. Когда друзья занялись авиамоделизмом, он и здесь не отстал. Его модели держались в воздухе дольше других. Тогда руководитель кружка сказал: «Василий станет конструктором».

Родители Васи еле успевали «перестраиваться». Бывало отец говорил Евдокии Герасимовне: «Сын — конструктор, надо ли желать большего?!» Вскоре Николай Иванович уже говорил жене: «Поэт Василий Харитонов, — звучит-то как!»

Что же касается юноши, то он одновременно мечтал обо всех специальностях. И даже сейчас, когда ему минуло двадцать два года, Василий точно не может вспомнить, что побудило его стать лётчиком. Впрочем, кажется, это было так. Школьный друг, сосед по парте, на уроке географии подсунул ему записку: «Меня приняли в аэроклуб. Теперь полетаю. Тебе завидно?» Василий ответил: «Нет, не завидно. А где записался?»

Вскоре Харитонов тоже стал курсантом осоавиахимовского аэроклуба. Родителей он поставил перед совершившимся фактом. В тот же день отец доказывал матери: «Покорять воздушное пространство, летать на крыльях быстрее ветра, скажи, разве это не сказочная профессия?» Правда, про себя Николай Иванович решил сказать сыну: «Дескать, пора, милый, серьёзно подумать о своём будущем, небось восьмой класс оканчиваешь». Разговор вышел задушевный, но оборвался он как-то неожиданно. Отец с увлечением рассказывал о своей службе артиллериста в гражданскую войну, вспомнил любопытные эпизоды из боевой жизни однополчан, но когда, словно невзначай, посоветовал и сыну стать артиллеристом, тот вспылил:

— Батя, да ты и самолёта настоящего не видал.

— Допустим. А ты видел?

— Определённо. «Максима Горького» видел, и ещё...

Николай Иванович понял, что Василий твёрдо решил посвятить себя авиации. На глазах у сына потерпел аварию гигантский самолёт, и если это не остановило Василия, то его уже не переубедишь. В конце концов и сам он, Харитонов-отец, не имел в виду отговаривать Василия, ему лишь хотелось увериться, насколько твёрдо решение сына. А проверив, он дал свое благословение.

Инструкторы обнаружили у юноши недюжинные способности. Он быстро познал аэродинамику, усвоил теорию пилотажа и неизменно получал отличные оценки по всем дисциплинам. О нём говорили: «Парню всё легко даётся». Но Василию всё давалось не так уж легко, как это казалось со стороны. Другое дело, что он виду не подавал и трудности переносил молча, не говорил о них. А трудностей было немало. Шутка ли сказать — вставать ни свет ни заря, мчаться на аэродром, учиться там несколько часов, а затем поспевать в школу, где учителя, точно сговорившись, повторяли: «С будущего лётчика спрос двойной». Он отказался от кино, любимых развлечений, перестал встречаться с друзьями. Для человека его лет уже это само по себе — подвиг. Ложась спать, он думал о той минуте, когда начнёт управлять самолётом, а вставая по утрам, сбрасывал со счетов ещё один прожитой день и говорил себе: «Теперь уже этот час не за горами, скоро-скоро возьму штурвал в руки».

Какими словами передать ощущения, пережитые Василием в первом полёте? Он выразил их одним словом: «Здорово!» Когда же родители, да и друзья в школе просили рассказать поподробней, ну что, например, делал в это время инструктор, боязно ли было оторваться от земли, или, наоборот, страшна посадка, он только повторял: «Ей-богу здо-

рово. Вот если бы вы сами испытали, а то разве прочувствуете?..»

Полетав один раз, парень твёрдо решил, что будущее его теперь ясно, как небо в безоблачный день. И никто не удивился тому, что, окончив аэроклуб, он поступил в авиационное училище. Это было так естественно, что даже мать (чего таить, она считает эту профессию самой рискованной из всех существующих на свете) только сочла нужным спросить:

— Когда в дорогу отправляешься, сынок? Вещи собирать?

Василий ласковыми глазами посмотрел на мать. В них можно было прочесть сыновнюю любовь, они словно отражали мысли юноши: «Спасибо, что не коришь, что благословляешь в дальний и неведомый путь».

Вскоре он покинул отчий дом. Мать наказывала ему:

— Береги себя, Василёк.

— Постараюсь, дорогая моя.

Она хотела проводить его на вокзал, но Василий упросил её не делать этого: к чему слёзы проливать на виду у товарищей?

В училище встретилось затруднение: Василию предложили написать автобиографию. Он ёрзал на стуле, долго собирался с мыслями, а что написать — не знал. Ему показалась чуть ли не издёвкой просьба уложиться на двух сторонах листка из обыкновенной

школьной тетрадки. Харитонов вывел свою фамилию, имя, отчество. Указал время рождения — 1921 год — и место: Москва. А что ещё добавить? Какая у него биография? Но не рискнул на этом поставить точку и добавил размашистым почерком: «Родился в семье советских людей, и сам я советский парень. Моё призвание — авиация. Стремление — быстрее окончить курс обучения и стать в строй воздушных воинов».

Может быть сам того не сознавая, двумя словами — «советский парень» — молодой курсант наиболее полно раскрыл свою автобиографию. Он, как и тысячи других юношей, взлелеянных советским строем, обладал замечательным свойством: всё, что задумывал,— осуществлять. Василий жил, если так можно определить, от мечты к мечте. Исполняется одна — рождается новая, осуществляется другая — появляется третья. Так воздушный корабль, строго придерживаясь курса, проложенного штурманом на карте, движется вперёд.

Преподаватели, инструкторы, командиры восхищались Харитоновым. И им казалось, что человеку всё достаётся легче лёгкого. А ведь, как и в аэроклубе, Василий переживал немало тяжёлых минут. Ему казалось, что теория ни к чему, что важно научиться управлять воздушным кораблём, а остальное приложится Иной раз он думал совсем наоборот:

сидеть за штурвалом каждый способен, а вот обосновать, что к чему, достичь совершенства ему вовек не удастся. Только Василий не выдавал своих переживаний, «самолюбие не позволяло», — вспоминает он сейчас. Самолюбие!.. Он вкладывает в это слово иное содержание, чем то, которое имеется в словарях. По Харитонову, это прежде всего любовь к Родине, непременное достижение цели, это — твёрдость характера, мгновенная реакция в минуты воздушных сражений, хватка советского аса, страсть к боям, непреклонная воля к победе и честь офицера-москвича. Впрочем, лучше пояснить это примером.

Августовское солнце по-летнему ласкало. Голубое небо манило прохладой. В такую погоду приятно, взлетев на самолёте, парить, подобно ястребу. В такие безоблачные дни бывало хорошо готовиться к авиационному параду. Но в этом, 1941, году парада не предвиделось: бойцы Военно-Воздушного Флота были заняты боями с жестоким и коварным врагом, вероломно напавшим на любимую Родину. Судьба забросила москвича Харитонова на Ленинградский фронт. Василию поручили охранять от гитлеровцев воздушные подступы к городу — колыбели Октябрьской революции. Василий полюбил город Ленина так, как любил свою родную Москву, он был готов своим телом прикрыть его от врага. Когда Василий сказал об этом перед первым

боевым взлётом, командир не без иронии заметил: «Никому твоя смерть не нужна, мы в жизни твоей нуждаемся, понял?»

Семёрка «ястребков» набрала высоту. Под крыльями самолётов расстилалась родная земля, которую топтал враг. С болью в сердце всматривался Харитонов в знакомые очертания населённых пунктов, преданных огню, и руки крепче сжимали штурвал самолёта, и слух улавливал всё, что творилось вокруг, и взгляд становился зорче. Вот справа мелькнула чёрная точка, за ней вторая, третья. Нетрудно было определить — идут немецкие бомбардировщики. Идут, держа курс на Ленинград. Сколько их? Пять, десять, двадцать? Нет, ещё больше. До двадцати он досчитал и решил: «Сколько бы их ни было, им не пройти». Он покачал крыльями своего «ястребка», что означало: «товарищи, приготовиться к атаке!» Те приняли сигнал командира, поданный на условном языке лётчиков, и семёрка советских воздушных бойцов ринулась на противника. Василий, позабыв, что он ведущий, позабыв всё на свете, начал строчить из пулемёта. Огонь открыли и ведомые. Общими усилиями удалось сбить «хейнкель». Победа окрылила. Лётчики, войдя в азарт, даже не заметили, как со стороны солнца, точно воры, подкрались девять вражеских истребителей. Немцы обладали большим опытом и действовали расчётливее и

хладнокровнее, чем разгорячённые первым боем молодые пилоты группы Харитонова. Машину Василия они всю изрешетили, и сам лётчик неведомо как спасся.

— На пользу пойдёт вам этот бой, товарищ Харитонов, другой раз осмотрительнее будете. Азарт — дело хорошее, но он непременно должен сочетаться с воинским умением. Вы же сегодня только рисковали собой, — говорил командир после боя.

Василий слушал молча. Казалось, он всё ещё переживал только что закончившийся бой. Командиру знакомо было это чувство — он ведь и сам когда-то впервые участвовал в бою. Но он счёл своим долгом добавить:

— Когда побьют, но не убивают — школа хорошая. Человек злее становится.

На фронте быстро взрослеют, мужают. Для юноши год войны иной раз равен десятилетию. Первый воздушный бой Василия Харитонова основывался на азарте, а десятый уже покоился на опыте, двадцатый — на мастерстве...

Он провёл семьдесят боёв и говорит о них: «Это семьдесят ступенек в моей лётной биографии». Он помнит, как поднимался на каждую из них.

Одно из воздушных сражений длилось двадцать пять минут. Ровно столько времени продолжался поединок между Василием Харитоновым и немецкими асами. Вначале их

было двое — асы обычно ходят в паре. Но один поспешил ретироваться — Харитонов не возражал. Другому это не удалось, Харитонов не допустил. И двадцать пять минут немец отбивался от молодого советского лётчика...

Василий израсходовал весь запас боеприпасов, еле хватило горючего, чтобы дотянуть машину на свой аэродром. Узнав об этом, товарищи полюбопытствовали:

— Как же ты долетел, Харитонов?

— На чистом самолюбии.

Ответ не удивил товарищей. Они знают, что имеет в виду лётчик под этим словом. Харитонов любит свою отчизну, знает, что Родине нужна его жизнь, и это побуждает его непрестанно учиться, чтобы не отстать: отстающих бьют. Самолюбие заставляет его придирчиво разбирать каждый проведённый бой, иначе поддашься шаблону, а от шаблона до ремесленничества — один шаг. Василий, как школьник у учителя, выпытывает у своих товарищей, приходящих с боевых заданий, как они вели себя в воздухе, не применил ли какую новинку неприятель. Бывает, Харитонову говорят: «Ты опытнее нас, а расспрашиваешь, да ещё так подробно, будто никогда в боях не участвовал». Харитонов в таких случаях отвечает: «Слушая вас, я проверяю, как бы сам повёл себя в воздухе...» Чувство долга — гражданского и партий-

ного — подсказывает ему, что достичь «потолка» авиационного мастерства можно, только упорно работая над собой. И трудится он самоотверженно. Одна его разведка отлична от другой, сегодняшний бой не похож на вчерашний.

Восемьдесят девять немецких самолётов рвались однажды к Ленинграду. Им навстречу вылетела семёрка «ястребков». Вскоре советские соколы обнаружили истребителей противника. «Пусть их летят, — решил Василий, — нам бомбардировщики нужны». Но вот и они. Харитонов устремился вперёд, прямо в лоб ведущему. Лётчик собрал в комок все свои нервы, он, казалось, слился с машиной. Он правильно рассчитал: собьёшь ведущего, остальные фрицы растеряются. Но немец не принял лобовой атаки, он свернул. Нервы у него оказались слабее, чем у Василия. Строй неприятельских самолётов нарушился, и этим немедленно воспользовались наши «ястребки». Они сбили четыре фашистских самолёта.

Когда победители возвращались на свою базу, им пересекли путь немецкие истребители, должно быть те самые, которые оторвались от своих бомбардировщиков. Вновь численное превосходство было на стороне врага. К тому же советские лётчики были изрядно утомлены, шутка ли сказать, — выиграть такой бой. Но деваться было неку-

да, пришлось принять его. На Василия, как коршуны, набросились два немецких истребителя. Один предпринял атаку, другой выжидал момента, когда сумеет занять выгодную позицию, чтобы ударить по хвосту советского истребителя или зайти незаметно со стороны солнца. Вот когда пришлось смотреть в оба! Но обороняться — не в натуре Харитонова. Умело маневрируя машиной, он сам выбирал время для удара.

Иной раз воздушный бой напоминает игру в шахматы. Небо разбито на квадраты. На твоей стороне столько-то самолётов, на стороне противника — столько-то. Если перевес в силах на стороне врага, маневрируй, действуй, иначе игра разовьётся по шаблону, и ты будешь обречён на гибель. Немцы — мастера шаблона. Они опасны, когда представляется случай осуществить пункт устава. Но они становятся втупик, когда обстановка неожиданно меняется, усложняется и её нельзя втиснуть в рамки уставного параграфа. Харитонов знал эту слабость немецких лётчиков и вот сейчас напряжённо изобретал, осуществляя одну за другой фигуры высшего пилотажа, стараясь оставить в недоумении оба вражеских истребителя. Неизвестно, чем окончился бы этот неравный бой, надолго ли хватило бы Василия. Ему на помощь подоспел товарищ. Этого оказалось достаточным, чтобы один немецкий самолёт на всём газу удрал.

Другой — советские лётчики сбили и, уверившись в том, что он прочно врезался в землю, сами легли на обратный курс.

Товарищ Харитонова торжествовал. Ещё бы! Он во-время пришёл на помощь Василию, вдвоём они отправили к праотцам фашистского стервятника. А Василия, казалось, не радовала победа. Он вошёл в азарт, им овладела стихия воздушного боя, и парень пожалел, что ему не удалось помериться силами с двумя гитлеровскими лётчиками. Но как было сказать об этом товарищу? Человеку, который знал лучше других, что Харитонов сам никого не оставит в беде, рискнёт своей жизнью, но постарается выручить товарища.

Все знали о дружбе Харитонова с Георгием Корниенко. На аэродроме — перед полётами или в часы досуга — товарищи всё «пикировались». У постороннего человека могло создаться ложное впечатление о взаимоотношениях этих людей. И немудрено. Василий скажет: «хорошо», Георгий — «неважно»; Георгий определит: «чёрное», Василий поправит: «белое». Но их что-то роднило, и в воздухе Харитонов зорче следил за хвостом самолёта Корниенко, чем за своим. Корниенко поступал так же, его тоже больше волновала безопасность друга. И так, прикрывая и оберегая друг друга, лётчики-истребители чувствовали себя в бою свободно, смело маневрировали, шли на риск и, как правило,

выходили победителями. Солдатская дружба — дружба на всю жизнь. Харитонов имеет немало «кровных» друзей.

Случилось так, что через несколько минут после посадки Харитонову и его боевым друзьям довелось вновь подняться в воздух. Почти тут же советских истребителей настигли четырнадцать немецких машин. Один наш самолёт оторвался, и все вражеские самолёты ринулись на него, словно желая с'есть его живым. Два «ястребка» присоединились к Харитонову, и они ворвались в середину строя «юнкерсов». Получилось нечто вроде свалки. Подоспевшие немецкие истребители оказались бессильными что-либо предпринять: открыть огонь они не рискнули — можно было своих подбить, — а врезаться в «кашу» побоялись, и им пришлось довольствоваться ролью наблюдателей. А тем временем Харитонов и его товарищи подбили один за другим пять гитлеровских бомбардировщиков. «Каша» поредела. Уцелевшие «юнкерсы» поторопились очистить наше небо.

Всё бы хорошо, но немецкие истребители... Они были тут же, рядышком. И как только поле боя очистилось, фашисты, — а их было в четыре раза больше наших! — навалились на группу Харитонова.

Это было потрясающее по своей силе зрелище. Техники, наблюдавшие с земли за воздушным сражением, рассказывали потом,

что небо в те минуты казалось им гигантской цирковой ареной, а советские лётчики — виртуозными эквилибристами. Истребитель Харитонова то стремительно нёсся к земле, то молниеносно взмывал вверх и сразу же переходил в вираж, то вдруг машина ложилась на спину... Каскад фигур высшего пилотажа сочетался с короткими очередями. Так же вели себя и товарищи Василия. Может они действовали менее искусно, но так же молниеносно. Ими овладел необычайной силы азарт, творческий под'ём, присущий людям, знающим, за что они воюют, во имя чего рискуют своей жизнью.

Силы были неравны. К тому же группа Харитонова вела в этот день третий по счёту бой. Немцы, улучив момент, подбили один советский самолёт. Василий заметил, что лётчик теряет управление. Бой происходил поблизости от своего аэродрома, и Харитонов подумал: «Надо прикрыть машину, может дотянет домой» В это же время точно такое желание появилось и у его боевого друга. И как ни бесились гитлеровцы, им не удалось добить израненную машину: истребитель благополучно приземлился на родной земле.

— Как это тебе удалось? — сотни раз спрашивали потом лётчика, и тот охотно отвечал:

— Я-то тут причём? Харитонова спросите.

«Спросите у Харитонова», — эти слова ча-

сто произносят в полку, где служит Василий. Когда между лётчиками возникает спор, который никто не может разрешить, обращаются к Василию, и кажется, что найдено единственно правильное решение. Немец применил новинку, её не сумел разгадать наш лётчик, — и он обращается к Харитонову. Друзья разбирают результаты минувшего боя, и, если кому-либо хочется блеснуть справедливостью сделанных им выводов, он тут же ссылается на Василия: «Спросите у Харитонова».

Откуда такая популярность у человека, которому отроду немногим больше двух десятков лет? Боевые товарищи, близко знающие Харитонова, не задумываясь, отвечают: «Московская фирма».

Да, фирма — московская, школа — ленинградская.

В первые месяцы войны гитлеровцы бесновались: превосходство в силах было на их стороне, всё предвещало победу, а она им не давалась. Многие столицы европейских государств сдавались, находясь в менее опасных и сложных условиях, а Ленинград устоял, грозный и непобедимый. И взбешённый Гитлер гнал на город стаи истребителей и бомбардировщиков. Они летали волнами: по двадцать, сорок, шестьдесят, а иной раз и по сто самолётов. Нашим приходилось трудно. Харитонов и его товарищи по нескольку раз

в день ввязывались в воздушные сражения. И, как правило, советским лётчикам приходилось иметь дело с силами противника, вчетверо, а то и в десять раз превосходящими наши силы. Казалось, обстановка подсказывала: против тебя одного летят десять гитлеровских лётчиков, уйди за облака, спрячься, исчезни. Но здесь брало верх чувство советского патриота. Харитонов всегда думал: «На тебя надеется Ленинград, страна, не подведи!» И он вместе со своими товарищами смело вступал в бой, даже навязывал его: инициатива — великое дело!

В то время Василий дневал и ночевал в кабине своего истребителя. Только, бывало, приземлится, и техники заправят горючим бензиновые баки, пополнят комплект боеприпасов, как уже следует новый приказ — вылетать.

Харитонов обрёл опыт бывалого солдата. Он пробыл в воздухе больше двадцати суток, бои стали его стихией. От его метких попаданий, словно подстреленные птицы, камнем падали и врезались в землю «юнкерсы» и «хейнкели», «мессершмитты» и «фокке-вульфы», «дорнье» и другие вражеские машины. Жажда боя, неутолимое стремление к победе — вот что отличает Харитонова во всех сражениях.

Когда лётчику вручалась первая правительственная награда — орден Красного Знамени, — командир сказал:

— Вы сбили три немецких самолёта и заслужили уважение в среде товарищей, славу на фронте. От души поздравляю. Что передать от вас Военному Совету?

Василий был смущён всем происходящим. Он несколько минут молчал, и те минуты показались ему часами. Командир не спускал с него глаз, он терпеливо ждал, что скажет прославленный лётчик-истребитель.

— Передайте: Харитонов собьёт ещё двадцать.

Об этом разговоре позднее никто не вспоминал. Друзьям казалось, что Василий случайно обмолвился. Но пришёл час, и Василий сам вспомнил о своём обещании. Было это в дни, когда войска Ленинградского и Волховского фронтов прорвали блокаду города-героя. На боевом счету Харитонова числилось тогда семнадцать сбитых немецких самолётов. Ему присвоили звание Героя Советского Союза, и москвичу предстояла поездка в столицу за наградой.

— Вот те и фунт изюму, — досадовал Харитонов. — Три самолёта плюс двадцать — двадцать три, столько я обещал сбить немецких машин. Не дотянул. Не может того быть, чтобы Михаил Иванович не знал о моём слове. Что же он скажет мне?

Вот когда самолюбие заело. И он сбил ещё шесть самолётов! Это произошло так быстро, что товарищи поражались темпам

Харитонова. Это видно из письма, которое они послали родителям героя.

«Многоуважаемые Николай Иванович и Евдокия Герасимовна! Рады сообщить, что Ваш сын Василий за проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками доблесть и беззаветное мужество награждён высшей правительственной наградой. Он удостоен звания Героя Советского Союза. Ему в Кремле вручат Золотую звезду и орден Ленина.

Все мы — лётчики, техники, инженеры, — весь личный состав подразделения, которым командует Ваш сын, счастливы бороться против врагов отечества под его твёрдым, волевым и умелым руководством. Ваш сын — советский ас, достойный защитник славного ленинградского неба, любимец Ленфронта и всех ленинградцев. Здесь говорят о нём: «Василий Харитонов — московский ленинградец», и это звучит гордо.

Василий мужал и рос на наших глазах. Он всё время накапливает боевой опыт, совершенствует мастерство воздушного бойца. В нём бурлит ненависть к проклятому врагу. Он беззаветно предан Родине-матери и любит её любовью сына. Спасибо Вам, дорогие, что Вы вырастили стране такого честного и мужественного гражданина, спасибо Вам за то, что вы дали Красному Воздушному Флоту такого замечательного солдата-гвардейца.

Будучи членом ВКП(б), он являет собой образец настоящего ленинца-сталинца. Его пример всех нас вдохновляет на подвиги во имя окончательной победы над врагом. Василий не унывал, когда приходилось сверх-тяжело, он не позволял самоуспокаиваться, когда дела шли хорошо. Было время, когда он делал по девять-десять боевых вылетов в день. Случалось так, что он дрался один против семи вражеских самолётов. Приходилось ему после боя садиться на аэродром в горящей машине.

Борьба с трудностями и лишениями закалила

его, сделала стойким и требовательным командиром, достойным офицером военно-воздушных сил Красной Армии.

Весть о высокой правительственной награде он воспринял, как большевик, — делом.

10 февраля 1943 года в воздушном бою он сбил один бомбардировщик «Ю-88».

11 февраля 1943 года, сражаясь против стаи фашистских стервятников, Василий сбил один бомбардировщик «Ю-88» и один истребитель «Фокке-Вульф-190». А всего он сбил двадцать два самолёта противника.

Ваш сын Василий Харитонов — наша гордость, гордость всей страны, гордость товарища Сталина.

Примите, глубокоуважаемые Николай Иванович и Евдокия Герасимовна, наши искренние пожелания доброго здоровья и быстрой встречи с сыном-героем.

По поручению личного состава: гвардии капитан Казин А. Г., гвардии старший лейтенант Поталов В. И., гвардии старший лейтенант Гусев В. С., гвардии сержант Луковкин Г. С., гвардии сержант Барсуков И. Ш., гвардии сержант Акимов А. В., сержант Печников В. А., гвардии техник лейтенант Шраменко Г. А., гвардии старший техник лейтенант Бойко Г. В., гвардии техник лейтенант Капкин А. С., гвардии старший сержант Муравьёв С. П., гвардии старший сержант Калистратов П. М.

P. S. Сегодня, в день отправления этого письма, Ваш сын в воздушном бою сбил двадцать третий фашистский самолёт».

Последнюю победу Харитонов одержал накануне от'езда в Москву. Настроение у Василия было приподнятое. Кто-то из друзей поведал ему, что сегодня отправлено коллективное письмо его родителям:

— Мы исправили свою ошибку.

— Ошибку? — переспросил Харитонов.

— Точно!

— Какую же?

— Мы думали, — охотно признался собеседник, — что, обещав сбить ещё двадцать немецких машин, ты обмолвился, а получилось...

Когда Михаил Иванович пожал Харитонову руку, Василий заглянул ему в глаза. В них светилась нежная любовь и ласка, немного прищуренные, они словно говорили: «Знаю, знаю, дорогой, на твоём счету двадцать три самолёта, точь в точь столько, сколько сказал...»

Прямо из Кремля Василий поехал домой. Родные Харитонова не ожидали столь быстрой встречи с сыном. Появление в доме гвардии старшего лейтенанта Героя Советского Союза было незабываемым праздником. Только Василий мало дома сидел. Все дни были расписаны по часам: то встреча с учащимися 147-й школы Ленинградского района, в которой он когда-то учился; то выступление по радио; то встреча с лётчиками Московского фронта противовоздушной обороны... Всюду его просили: «Расскажите о себе». И в эти минуты он всегда вспоминал, скольких трудов ему стоило несколько лет назад, когда он поступал в авиационное училище, написать свою автобиографию. За месяцы войны он многое пережил, теперь всё каза-

лось ему важным и интересным, и он терялся: с чего начинать рассказ. Он рассказывал о своих товарищах, о воздушных бойцах: Пидтекане, том самом Пидтекане, который был страшно самолюбив и терпеть не мог, когда кто-либо из лётчиков подразделения имел на своём счету больше сбитых самолётов, чем он; о капитане Георгии Жидове, москвиче, Герое Советского Союза, сбившем двадцать четыре вражеских машины; знатном мастере лётного дела Севастьянове, бесстрашном соколе, который на виду у ленинградцев таранил фашистский самолёт, попавший в луч прожектора. О Карпове, Белове и других славных лётчиках, которых немцы узнавали «по почерку» и избегали с ними встреч. О многих других его друзьях, посвятивших свою жизнь великому, благородному делу — служению Родине, Родине, которая им дороже всего на свете.

— А о себе, — добавлял обычно Василий Харитонов, — могу сказать, что я тоже советский лётчик и тоже самолюбив. По-своему, конечно. И не думайте, что это плохая черта.

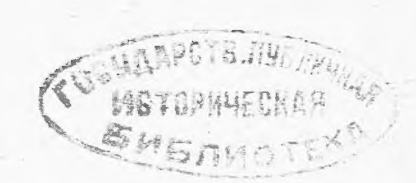
* * *

Четвёртого августа 1943 года Советское Информбюро сообщало: в воздушных боях, развернувшихся на подступах к Ленинграду, наши лётчики сбили двадцать и подбили четыре немецких самолёта. Герой Советского

Союза гвардии капитан т. Харитонов сбил два самолёта противника.

Однополчане Харитонова аккуратно пишут родителям героя, сообщая о новых победах Василия. Но и они не всегда поспевают за событиями. Жизнь обгоняет письма, и пока радостная весточка приходит в столицу, счёт вражеских самолётов, сбитых Харитоновым в одиночном или в групповых боях, всё возрастает...

Нам же подавно не поспеть за ратными делами советского аса Василия Харитонова. Оставим за собой право сказать точную цифру немецких самолётов, сбитых москвичом, охранявшим ленинградское небо, когда окончится война.

Отв. редактор Д. Михайлова.

Л28809. Подп. к печ. 6/IX 1943 г. Об'ем 0,75 п. л. Тираж 8 000. Уч.-изд. л. 0,75. В 1 печ. л. 40,6 т. зн. Зак. № 181.

2-я тип. изд-ва «Московский большевик», Москва, Петровка, 17.

Цена 25 коп.